

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

PROBLEMS OF STUDYING REVOLUTIONARY POPULARITY

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.020

УДК 94(47).081"18"

ББК 63.3(2)53-3

О.Н. КВАСОВ

НАРОДНИЧЕСКИЕ ИЗВЕЩЕНИЯ
О ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТАХ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

O.N. KVASOV

POPULIST NOTICES OF TERRORIST ACTS
(THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY)

В статье на основе печатного и эпистолярного материала исследуется проблематика информационно-коммуникативного сопровождения террористической деятельности народнических организаций. Автором рассматриваются и анализируются одна из важнейших частей этого комплекса, а именно оперативные политические заявления от лица партии о совершенном преступлении. Отмечается, что народники создали две основные формы таких извещений: короткое, сугубо фактическое и обширное извещение, по объему напоминающее прокламацию. Анализ выявленных 19 партийных извещений позволил сделать вывод о том, что народники максимально продуктивно использовали данный вид пропагандистской продукции. В извещении-прокламации, помимо фактических событий акции, обычно затрагивались злободневные темы революционной борьбы, а именно народная направленность революционной деятельности, репрессивность царского режима, вынужденный характер революционного экстремизма, угрозы эту борьбу продолжать и условия прекращения террора.

On the basis of printed and epistolary material the article examines the problems of information and communication support of terrorist activities of populist organizations. The author examines and analyzes one of the most important parts of this complex, namely prompt political statements on behalf of the party about the crime committed. It is noted that the populists created two main forms of such notices: a short, purely factual and extensive notice, resembling a proclamation in length. The analysis of the identified 19 party notices allowed us to conclude that the populists used this type of propaganda as productively as possible. The notice-proclamation, in addition to the actual events of the action, usually touched on topical topics of the revolutionary struggle, namely, the popular orientation of revolutionary activity, the repressiveness of the Tsarist regime, the forced nature of revolutionary extremism, threats to continue this struggle and the conditions for ending terror.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: народничество, партия «Народная Воля», теракт, информационное сопровождение, пропагандистские цели

KEY WORDS: Narodniks, Narodnaya Volya Party, terrorist attack, information support, propaganda purposes

ВВЕДЕНИЕ. Всеми исследователями террора признаются особые роль и значение коммуникативного фактора терроризма. Почти полувековая террористическая практика российских революционеров сформировала элементы этого коммуникативного сопровождения, в числе которых наиболее важную роль играли, во-первых, общественный призыв к насилию или оправдание расправы; во-вторых, публичное партийное извещение о теракте; в-третьих, возвеличивание террориста, его поступка и самого факта самопожертвования; в-четвертых, последующая актуализация (вспоминание) террористического события [3, с. 8–17].

Теракт является субъективным фактором политического процесса. Его смысл и содержание формируется не только фактическим составом преступления, но и целым комплексом сопутствующих и производных элементов, имеющих различную смысловую нагрузку. Общественное восприятие и политическое значение террора определяется комплексным осознанием этих элементов. В этом комплексе большую роль играли обстоятельства, складывающиеся после покушения, и в первую очередь это партийное извещение о совершенном теракте.

ЦЕЛЬ. Научные исследования последних десятилетий дали многое для понимания феномена революционного терроризма. Однако далеко не полно или фрагментарно изучен тактико-стратегический аспект революционного террора. Одними из неопределенных вопросов являются мотивационная сфера участия рядовых боевиков, выбор объектов насилия, материально-техническое обеспечение боевой деятельности и целый спектр проблем, связанных с информационно-коммуникативным комплексом террористической деятельности революционных организаций. Исследование последнего, как видится, может дать определенные ответы на характер причин изменения политической линии народников.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Постоянной стратегией царских властей являлся отказ революционерам в политической субъектности и, соответственно, отказ не только в диалоге, но и запрет общественной коммуникации. Власть уничтожала, конфисковывала революционные издания, карала за их хранение, но, в первую очередь, пресекала издательские возможности революционеров. Поэтому для народников было очень важно не только согласовать, сформулировать и распечатать свои политические требования, но и донести их до власти и народа. И теракт представлял собой такое событие, которое, помимо политического содержания и внутреннего подтекста, могло вынудить власть и общество ознакомиться с посланием революционеров. В этой связи партийное извещение о теракте, которым являлось оперативное политическое заявление от первого лица о совершенном преступлении, имеет важное источниковое значение, в котором раскрываются не только декларируемые причины, цели и задачи теракта, но и многие проблемы самого народнического движения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Первым народническим терактом, сопровождаемым извещением, является покушение на предателя Н.Е. Гориновича (11.06.1876). При этом члены киевского кружка «южных бунтарей» действовали непоследовательно и противоречиво. Шпиона заманили, жестоко избили и, посчитав умершим, облили лицо серной кислотой для того, «чтобы полиция не могла потом констатировать личность убитого. Но чтобы, с другой стороны, все знали причину убийства, возле лежавшего Гориновича оставлена была записка следующего содержания: «Такова участь всякого шпиона» [2, с. 269]. Очевидно, что одно намерение противоречило другому, а содержание записки не столько информативно, сколько импульсивно и мстительно. Само преступление отдаёт бульварщиной и ярко демонстрирует аффективное состояние революционеров во время покушения. Эти же характеристики относятся и к двум предыдущим покушениям народников — выстрелу Д.В. Каракозова в царя (04.04.1866) и убийству И.И. Иванова «нечаевцами» (21.11.1869). Следующие два преступления народников, убийство предателей

В.А. Тавлеева (06.09.1876) и Н.Ф. Шарашкина (19.07.1877), сопровождаться записками не будут. Кардинальные изменения относительно покушений на шпионов и провокаторов произойдут после покушения В.Н. Засулич и перехода народников к стратегии политических выступлений.

Так, убийство шпиона А.Г. Никонова (02.02.1878) уже будет освещать публичное извещение от имени Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии, организованной В.А. Осинским. В извещение коротко указаны факты об убийстве (дата, место, имя жертвы) и «во всеобщее сведение и поучение» признано, что оно совершено «нами, революционерами-социалистами». Большую часть извещения занимает объяснение причины убийства: тяжелая неравная борьба революционеров за народные интересы, жестокость царского режима, «гнусность» предательства Никонова и опасения еще больших жертв от его деятельности. Прокламация заканчивается предупреждениями «русскому правительству»: «Мы не хотим долее терпеть. Мы решились защищаться. Мы будем искоренять этих Иуд...» [8, с. 161]. Аналогичное извещение выйдет вслед убийству в Москве другого провокатора Н.В. Рейнштейна (26.02.1879). Характерно, что отпечатанные по поводу этого убийства прокламация и извещение в «Листке «Земли и воли»» будут написаны от имени того же Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии и даже скреплены известной печатью комитета, однако к тому времени сам комитет уже будет полицией разгромлен [1, с. 73].

Исследователям известно 14 покушений на предателей, «шпионов», провокаторов, совершенных разными народническими группами в период с 1876 по 1884 гг., что составляет 31% от общего количества народнических терактов (45). За период следующей террористической кампании 1901–1917 гг., по нашим подсчетам, было совершено как минимум 28 покушений на «шпионов» и «предателей», что составило уже 4,4% от всех революционно-террористических проявлений (641). Количественное сравнение хорошо демонстрирует, насколько большую роль в XIX в. играли мстительные мотивы покушений, а в убийстве отступников и провокаторов именно месть является побудительной причиной, и сколь значительные изменения в сторону других мотивов и причин произошли в XX в. Анализ текстовых извещений этот вывод только подтверждает.

Важное значение в конструировании схемы аргументации террористических нападений сыграло извещение, вышедшее вслед покушению В.Н. Засулич (24.01.1878). Это извещение было оперативно опубликовано в форме землевольческой прокламации и имело, в отличие от предыдущих извещений, обширный и содержательный текст. В преамбуле прокламации была представлена реконструкция самого события, после чего образным публицистическим слогом изложены события в Петербургском доме предварительного заключения, порка Боголюбова, отсутствие общественной и административной реакции на этот «произвол полусамодержавного временщика». Большой объем текста занимают рассуждения по поводу вынужденного характера поступка Засулич, — это аргумент «безнаказанного произвола», отсутствие «других средств защиты прав человека», общественная апатия. В прокламации несколько раз отмечается, что революционеры «нисколько не сторонники насилия», но вынуждены прибегнуть к нему. Жестокость власти живописуется гипотетическими муками, с которыми по обыкновению столкнется революционерка в дальнейшем. Заканчивается прокламация-извещение дифирамбами террористке и названием ее имени. Структура и обозначенные темы в дальнейшем будут активно использоваться революционерами в большинстве извещений развёрнутого типа [6, с. 47].

Как известно, покушение В.Н. Засулич стало рубежом перехода к политической деятельности народников. Само покушение, образ террористки, оправдательный вердикт суда присяжных, общественная реакция на покушение и многое другое сыграли свою роль в определении исторического значения этого акта.

Террористическую тенденцию южных бунтарей продолжило покушение В.А. Осинского на товарища губернского прокурора М.М. Котляревского (23.02.1878). Текст этого извещения, помимо первого предложения с констатацией события, полностью посвящен объяснению «перед русским обществом мотивов этого покушения». Структура объяснений схематична: народные интересы революционеров, репрессивность царского режима, «невиданные с апостольских времен гонения», невозможность мирных форм деятельности, вынужденный характер революционного насилия, в итоге — «Скрепя сердце, мы решились прибегнуть к средству, против которого во всякое другое время протестовали бы всеми силами души». Последнее предложение, в дальнейшем будет неоднократно перефразироваться, но его смысл станет определяющим в объяснение причин народнического террора и акцентирование вынужденного его характера.

Не менее важное политическое событие, чем акт В.Н. Засулич, приобрело и покушение С.М. Кравчинского на шефа жандармов Н.В. Мезенцева (04.08.1878). Помимо самого факта убийства высшего должностного лица империи, покушение шокировало власть и общество предъявлением развернутого в виде брошюры извещения, содержавшего ультимативные требования. Автором брошюры являлся сам же террорист, который скроется с места преступления, эмигрирует и продолжит активную писательскую и издательскую деятельность революционера за рубежом. Извещение, вошедшее в историю под названием «Смерть за смерть!», во многом стало предвестником другого известного произведения Кравчинского «Подпольная Россия», благодаря которому он приобрел славу «основателя радикальной мифологии» [5, с. 8].

Прокламация начинается посвящением памяти казненного за два дня до теракта народника И.М. Ковальского. «Во избежание всяких недоразумений», указывается, что покушение совершено «нами, революционерами-социалистами», после чего следует уже классическая схема обоснования преступления: развернуто с многочисленными фактами, характеризуется жестокость и репрессивность царского режима, неоднократно указывается вынужденный защитный характер покушений, кратко упоминается народная направленность программы революционеров. Новшеством этого извещения стали два момента — акцент на личной ответственности Мезенцева и предъявление условий прекращения террора.

Персональная ответственность Мезенцева сформулирована коротко, он убит «как человек, совершивший ряд преступлений, которых мог и должен был не совершать», но конкретизирована пятью предъявляемыми обвинениями. Принципиальным положением народников являлась персональная ответственность жертвы террора в преступлениях. И данное положение носит категоричное отличие от террористической кампании, развернувшейся в условиях Первой российской революции (1905–1907), когда покушения в значительной мере будут носить системный характер, выбор жертв диктоваться социальными признаками, а время совершения акта определяться тактико-стратегическими соображениями.

Извещение просто изобилует угрозами и предупреждениями: «вы бессильны и беспомощны», «горе, горе вам», «берегитесь», «у нас есть средства еще более ужасные», «вы будете уничтожены», «наш тайный суд, как меч Дамокла» и пр. После такого нагнетания страха следует требование предоставления революционерам свободной политической деятельности, выраженное в условиях: прекращение всяких политических преследований, «уничтожение всякого административного произвола» и объявление «полной амнистии для всех политических преступников». Автор прямо указывает, что революционерам «совершенно безразлично» введение «конституции», «разделение властей» и прочее, решение этих вопросов относится к будущему противостоянию с буржуазией [7, с. 397–404]. Содержание извещения даёт основание утверждать, что автор уже склоняется к системному использованию террора, — еще не угрожает императору, но уже понимает подчиненный характер его чиновников, от которых ничего не зависит; указывает на персональную ответственность жертвы, но уже

угрожает всему правящему классу. Неоднократно отмечалось, что народовольческая «охота на императора» Александра II, выразившаяся в организации четырех покушений и его смертельном ранении 1 марта 1881 г., явилась закономерным и вынужденным переходом от наивной программы «деревенщиков» к реализации авантюрной программы «политиков». При этом Исполнительный комитет Народной воли наследовал не только ограниченные материальные и людские ресурсы землевольцев, но и пропагандистские традиции и формы, скорректировав их только под свою программу.

Так, была продолжена и практика публиковать извещение о терактах. Более того, ИК признал свою организацию даже по двум формально не осуществленным актам. Осенняя подготовка покушения на царя на железной дороге в Одессе и под Александровском (Екатеринославская губ.) по разным причинам не произошла, но в газете «Народная воля» (№ 4, 5 декабря 1880) было опубликовано краткое сообщение, что эти покушения были произведены ИК «согласно с общим планом, установленным осенью прошлого года, с целью приведения в исполнение смертного приговора над Александром II, постановленного Исполнительным комитетом 26 августа 1879 г.» [4, с. 287].

Практика обширных извещений продолжилась в прокламации от ИК по поводу покушения на Александра II на линии Московско-Курской железной дороги (19.11.1879). В извещении многословно и категорично все беды народа и политические репрессии были возложены не на обезличенное правительство, а лично на Александра II, который определен как «главный представитель узурпации народного самодержавия, главный столп реакции, главный виновник судебных убийств». Условием прекращения террора названы отказ царя от престола и передача власти «избранному свободно посредством всеобщей подачи голосов» Учредительному собранию. Новшеством извещения стало прямое обращение ИК «ко всем русским гражданам» с просьбой поддержать партию в борьбе с царизмом [6, с. 221–222].

Следующее извещение ИК по поводу взрыва в Зимнем дворце (05.02.1880) фактически дословно повторяло текст предыдущей прокламации. Однако целый абзац текста пришлось уделить оправданиям в «погибели несчастных солдат караула». Объяснение этих жертв (погибло 11 и 56 ранено) взрыва было связано с утверждением, что пока солдаты являются оплотом царя, а не народа, такие жертвы неизбежны [6, с. 223–224].

Кульминацией террористических усилий ИК стало смертельное ранение императора (01.03.1881), на которое партия отреагировала публикацией пяти прокламаций-извещений, адресованных разным слоям российского населения и европейскому обществу. Однако наибольшую известность получила опубликованная спустя 9 дней прокламация-извещение, адресованная новому императору Александру III. Написанная тактично и умеренно, без оскорбительных терминов и оборотов эта прокламация стала последним прямым обращением ИК к царю. В этой прокламации присутствует весь набор пропагандистских элементов, выработанных в предыдущих извещениях: многочисленные примеры жестокости режима, угрозы «страшного взрыва, кровавой перетасовки» и повторение уже заявленных требований для прекращения террора — «общая амнистия по всем политическим преступлениям» и созыв «народного собрания». Второе требование конкретизировано соблюдением условий принципов демократических выборов. Симптоматично, что в тексте прокламации все претензии и ранее заявляемая персональная ответственность государя перекладывается вновь на правительство [4, с. 903–907].

Как известно, полицейские преследования в ближайшие месяцы после мартовского покушения уничтожили ядро ИК. Ресурсов для продолжения террористической борьбы у партии не осталось.

Народовольцы отметились и другим новшеством в информационно-коммуникативном комплексе террористической деятельности. Они первыми опубликовали извещение-

опровержение. 22 ноября 1881 г. ИК опроверг свою причастность к покушению на товарища министра внутренних дел П.А. Черевина (13.11.1881) и к ограблению на 300 тыс. руб. Московского Воспитательного дома. Если первое преступление, помимо отрицания, никаких иных рассуждений не имело, то во втором случае, в следствие серьезности досужих разговоров, комитет посчитал нужным добавить комментарий следующего характера: «Всякий ... грабеж имущества частных лиц, а тем более общественных филантропических учреждений настолько же в корне противоречит нашим принципам, насколько составляет обыкновенное явление в сфере императорской бюрократии. Повторяем еще раз, что денег, добытых подобным путем, ИК никогда не принимал и впредь принимать не станет». Причем это извещение было опубликовано и в печатном органе Народной воли (№ 7, 23 декабря 1881 г.) [4, с. 457].

ВЫВОДЫ. Подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что народнические организации в полной мере понимали большое значение политической коммуникации с властью и обществом. При этом царская администрация всеми возможными средствами и способами старалась эту коммуникацию не допустить и разрушить. Вследствие этого появился особый жанр политической публикации, в который постепенно трансформировались партийные извещения о совершенных терактах. Помимо коротких, с минимумом информации о покушении, народниками использовались многословные и содержательные извещения-прокламации. В них, на основе ярко выраженных эмоций и ажиотажа по поводу преступления, народники излагали свою политическую программу и актуальные проблемы движения. Преимущественными темами таких извещений являлись народная направленность революционной деятельности, репрессивность царского режима, вынужденный характер террористической борьбы, угрозы эту борьбу продолжать и расширять, условия прекращения террора. Насколько большое значение уделяли извещениям народники, говорит тот факт, что почти половина народнических терактов (19) были в той или иной мере оперативно или некоторое время спустя, но объявлены партийными и обоснованы политическими причинами. Этот пропагандистский опыт народников будет всецело востребован в начале XX в. в условиях второй террористической кампании (1901-1911 гг.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Волк С.С. Народная воля. 1879-1882. М.; Л.: Наука, 1966. 491 с.
2. Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. СПб.: Свободный труд, 1906. 601 с.
3. Исаков В.А., Квасов О.Н. PR террористической борьбы в России на рубеже XIX-XX вв. // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 1 (25). С. 8-17.
4. Литература социально-революционной партии «Народной воли». [Женева]: Типография партии Социалистов-революционеров, 1905. 978 с.
5. Могильнер М.Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.
6. Революционное народничество 70-х годов XIX века / под ред. С.С. Волка. Т. II. 1876-1879 гг. М.; Л.: Изд-во «Наука», 1965. 472 с.
7. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публицистика. М., Археографический центр, 1997. 576 с.
8. Убийство шпиона в Ростове-на-Дону в 1878 г. // Былое. Ростов-на-Дону. 1906. Вып. II (1903-1904). С. 161.

REFERENCES

1. Volk S.S. *Narodnayavolya. 1879-1882* [Narodnayavolya. 1879-1882]. M. Leningrad: Publ. Nauka, 1966. 491 s. (In Russian).

2. Debagoriy-Mokriyevich V.K. *Vospominaniya* [Memory]. SPb.: Svobodnyytrud. 1906. 601 s. (In Russian).
3. Isakov V.A., Kvasov O.N. *PR terroristicheskoyborby v Rossiinarubezhe XIX–XX vv.* [Revolutionary PR of terrorist struggle in Russia] // *VestnikMoskovskogogosudarstvennogopedagogicheskogouniversiteta. Seriya: Istoricheskiyenauki*. 2017. № 1 (25). S. 8–17. (In Russian).
4. *Literatura socialno-revolucionnoj partii narodnoj voli* [Literature of the social revolutionary party «Narodnaya Volya»]. Publ. of The socialist revolutionary party, 1905. 978 s. (In Russian).
5. Mogilner M.B. *Mifologiya «podpolnogo cheloveka»: radikalnyy mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [The Mythology of the «underground man»: a radical microcosm in Russia at the beginning of the twentieth Century as a subject of semiotic analysis]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 1999. 208 s. (In Russian).
6. *Revolucionnoe narodnichestvo 70-h godov XIX veka* [Revolutionary populism of the 70s of the XIX century]. Vol. II, 1876–1879. M.; Leningrad: Publ. Nauka, 1965. 472 s. (In Russian).
7. *Revolucionnyj radikalizm v Rossii: vek devyatnadcatyj* [Revolutionary radicalism in Russia: nineteenth century]. M.: Publ. Arheograficheskijcentr, 1997. 576. (In Russian).
8. *Ubiystvo shpiona v Rostove-na-Donu v 1878 g.* [The murder of a spy in Rostov-on-Don in 1878] // *Byloye. Rostov-na-Donu*. 1906. Vyp. II. (1903–1904). S.161. (In Russian).